

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Крамер, Марина.

К77 Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце : роман / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-105130-3

Похоронив любовь всей жизни — мужа Егора Малышева, глава криминальной группировки Марина Коваль не отошла от дел. Бизнес и мафиозные разборки порой разрывают на части. Да и подполковник Александр Ромашин, расследующий заказное убийство мужа, не оставляет в покое: он просто в шоке от красоты и сексуальности Марины. Неожиданно Ромашин завоевывает сердце неприступной гордячки. Смотрящий города Гриша Бес в бешенстве: его первая помощница связалась с ментом! Не бывать этому никогда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105130-3

© Крамер М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Любовь — бесконечная дорога,
по которой двое идут навстречу
друг другу. Но случается так, что по
этой дороге идет лишь один. И если
он любит, ему предстоит пройти
всю бесконечность этого пути. Он
идет за двоих.

Анхель де Куатье

Часть I МЕНТ

Глава 1

ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

У любви нет глаз.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

...Ни бодрствую, ни сплю, —
и так проходит ночь...
настанет же рассвет —
весенний долгий дождь
и думы о тебе...

Эти навязчивые строки постоянно отдаются в мозгу, мешая жить, изнуряя, заставляя снова и снова возвращаться в тот день, заново переживать случившееся. Два месяца прошло, а все не отпускает никак, не становится легче, не забывается. И так тянет туда, на кладбище, где под черной плитой лежит тот, ради кого была вся жизнь...

— Даша, что ты там делаешь? — Марина вошла в каминную и с удивлением обнаружила, что домработница выставила из бара все бутылки и теперь пытается расположить их в каком-то только ей ведомом порядке.

Отбросив со лба светлую кудряшку, круглолицая, улыбчивая Даша повернулась к хозяйке:

— Убрать тут решила, Марина Викторовна, столько бутылок скопилось — ужас!

— Радоваться должна, что их много и все полные, — буркнула Коваль, беря со столика пачку сигарет и отправляясь в спальню, на балкон.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Она совсем прекратила прикасаться к спиртному — боялась, что затынет, и тогда точно не выкарабкается. Именно поэтому в баре скопилось столько разнообразных бутылок с напитками. Марина дала себе слово не упасть до той черты, после которой начинается *ничто*, и держалась, хотя порой ей хотелось махнуть рукой на все и заглушить разрывающую сердце боль с помощью испытанного средства — бутылки текилы.

В такие моменты она запирала бар на ключ и отдавала его домработнице, под угрозой увольнения запрещая Даше возвращать его. Привычная ко всему Дарья не удивлялась — знала, как легко молодая хозяйка срывается и выключает себя из жизни на неопределенный срок. Сейчас, когда после гибели Егора Сергеевича прошло два месяца, Даша уже меньше переживала, наблюдая за тем, как Марина старается держать себя в руках. Да и Хохол не давал ей слишком уж задумываться и погружаться в свое горе. И было еще кое-что...

Апрель никогда раньше не казался таким монотонным и тягостным. Завтра с Кипра возвращается футбольная команда, а Марине до этого не было никакого дела, даже неинтересно, как они там сыграли, с кем...Ничего не хотелось, все надоело...

Телефон звонит, а трубку снять лень, все равно это кто-то неважный и ненужный. Но упертый зато — трезвонит и трезвонит!

— Да!

— Здравствуй, Марина...

«Черт тебя побери — опять надоедливый мент, достал уже! Как только ухитрится так быстро добывать постоянно меняющийся номер мобильного — непонятно! Пользуется служебным положением, что ли?»

— Чего тебе опять, Ромашин? — устало ответила Коваль, заранее зная чего — сейчас встречу назначать будет, заколебал!

МАРИНА КРАМЕР

— Ты будешь сегодня в городе?

— А может, я уже там?

— Я стою напротив твоего офиса, и тебя здесь точно нет.
Так что?

— Слушай, самому-то не надоело еще? Как мне от тебя от- делаться, скажи? Каким волшебным словом? Тем, что на три буквы? — Она закурила сигарету и закинула ногу на перила балкона.

— Зачем ты так? — немного обиделся подполковник. — Я соскучился.

— Вот бы мне твои проблемы, а? — позавидовала Марина, покачиваясь в кресле. — Мне совсем скучать некогда.

— Так я увижу тебя сегодня? — настаивал он, и она усмех- нулась:

— А ты телевизор включи вечером — там обязательно что- то обо мне будет! Ведь знаешь, что от меня журналисты уже третий месяц не отлипают, как и ты, впрочем.

Со дня гибели мужа ей просто прохода не давали, осо- бенно когда вскрылось, что никакой это не московский строитель Грищенко погиб от выстрела в висок, а сам Егор Сергеевич Малышев, считавшийся давно погибшим. «Вос- становлена справедливость!» — так об этом сказал один борзый журналист в «Криминале»... Правда, через два дня он почему-то закрылся в своем гараже и угорел в машине, надышавшись выхлопными газами... непонятно, что ж он так неосторожно...

— Марина, ты сама-то не устала корчить из себя неизвест- ного кого? — поинтересовался тем временем Ромашин. — Ведь я знаю, что ты совсем не такая...

— Да, я знаю, что я, в принципе, ангел... наверно, — усмех- нувшись, проговорила она. — Только вот крылья мне как-то один человек вырвал с кровью и макнул меня потом в чан с дерьмом, чтоб не сильно гордилась. Так что теперь я именно то, чем выгляжу.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

— Неправда. Тебе просто нравится думать о себе в подобном свете, вот ты и думаешь, и других еще заставляешь.

— Так не думай обо мне — в чем проблема-то?

— Легко тебе говорить, — вздохнул он. — Приезжай ко мне...

— Куда?! — поразилась Коваль такой наглости. — В управу, что ли? Это еще зачем?

— Зачем... затем, что я хочу увидеть тебя.

— Ты точно больной, Ромашин! Как медкомиссию-то обошел, скажи? В ментовку психов не берут.

— Мне исключение сделали...

— Повезло, — Марина выбросила окуроч, перекинула ногу на ногу, устраиваясь удобнее. — У тебя все?

— Ты не ответила.

— А была должна?

— Марина, я ведь не мальчик, а ты заставляешь меня валяться в ногах, вымаливая возможность увидеть тебя, — тихо и грустно проговорил Ромашин.

— Саша, ты волен делать все, что хочешь. Я не принуждаю тебя ни к чему — ты сам хочешь этого. Давай прекратим бесполезный разговор, — попросила она. — Счастливого тебе, — и положила трубку, отключив телефон.

Бедолага Ромашин потерял голову в тот самый момент, когда увидел ее впервые, в тот самый день, когда погиб ее муж. Подполковник места себе не находил и был рад тому обстоятельству, что лично контролирует дело, это давало ему возможность видеть поразившую его женщину. Разумеется, Ромашин отдавал себе отчет в том, кто она и чем занимается, как и понимал то, что вряд ли она станет общаться с ним по поводам, не имеющим отношения к расследованию гибели ее мужа. Но образ Марины преследовал подполковника, заставлял постоянно вспоминать ее, сидевшую в кресле посре-

МАРИНА КРАМЕР

ди огромного зала казино, ее бескровное лицо, на котором ярко и непристойно выделялись накрашенные алой помадой губы. Кто угодно выглядел бы вульгарно в таком виде, но не она — ей удивительно шло все это, и траурные одежды, и вызывающе-кровавые губы.

Ромашин был поражен тем, насколько хорошо она владела собой — только что лежала на крыльце, рыдая и не видя никого вокруг, и вот буквально через десять минут сидит собранная и почти спокойно отвечает на вопросы, только курит много. Он не мог заставить себя не смотреть на нее, и тогда она, подняв покрасневшие глаза, сказала ему что-то — он даже не понял, что именно, но взгляд отвел.

Через неделю после похорон Грищенко-Мальшева подполковник приехал в «Парадиз». Его долго не впускала охрана, которая никак не могла в толк взять, что хочет от хозяйки переодетый в штатское начальник городской милиции. Да он и сам не мог внятно это объяснить, но потом нашелся:

— У меня есть одна вещь, принадлежащая госпоже Коваль, я должен вернуть ее, — и Кот впустил его.

Марина сначала не могла понять, кто это вообще такой, она и видела-то его полтора раза за все время, и фамилия его ей ни о чем не говорила. Только когда он вошел в кабинет, где Коваль сидела с чашкой чая, забросив по привычке на стол ноги, до нее и дошло, кто это.

— Чем обязана, господин подполковник? — холодно заинтересовалась Марина.

— Я приехал, чтобы вернуть вам это... — смущенно пробормотал он, теряясь под пристальным взглядом, и протянул ей раскрытую ладонь, на которой лежала подвеска, тот самый черный бриллиант, что спас жизнь Коваль и отнял ее у Егора. — Я подумал, что вам дорога эта вещь...

В синих глазах плеснул ужас, Марина даже отшатнулась от протянутой в ее сторону руки, но потом сумела прийти в себя.

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

— Мне это не нужно! — отрезала она, хватая сигарету. — Можете оставить себе. Если это — все, то можете быть свободны.

— Простите... я не хотел ... — еще сильнее смутился подполковник, покраснев, как пацан.

Марине вдруг стало стыдно — чем перед ней виноват этот приятный на вид человек: тем, что решил вернуть безделушку, не подозревая, как ей больно ее видеть?

— Хотите кофе, господин подполковник? — произнесла она, стараясь сгладить свою резкость, и увидела в его глазах промелькнувшую радость.

— Если можно...

— Даша! — заорала Марина, и Ромашин вздрогнул от неожиданности. — Кофе свари, пожалуйста! Присаживайтесь, — указала рукой на кресло напротив.

Он осторожно опустил в кресло, не сводя с нее глаз.

— Что-то не так? — спросила она, устав от этого взгляда.

— Что? Нет-нет, просто... Сколько вам лет, Марина Викторовна? — вдруг спросил он и испугался собственной смелости. — Простите. Можете не отвечать — я ляпнул глупость...

— Тридцать четыре, — спокойно ответила она. — Я никогда не скрываю свой возраст.

— Совсем молодая...

— Для чего?

— Для всего, что вам пришлось пережить.

— Я привыкла.

Даша принесла кофе на подносике, поставила перед подполковником, забрала у хозяйки пустую чашку.

— Что-нибудь еще, Марина Викторовна?

— Нет, спасибо, Даша, можешь идти.

Воцарилось молчание. Коваль курила, Ромашин пил кофе, исподтишка разглядывая ее. Марина тоже изучала гостя.

«Видный мужичок, надо признать, жалко только, что блондин и мент. Но наружность вполне приятная и располагающая. Женат, вон кольцо на пальце, и дети есть, наверное».

МАРИНА КРАМЕР

— У вас есть дети, господин подполковник? — спросила Коваль, и он ответил честно:

— Есть, два сына, но они уже взрослые. Можно мне называть вас по имени?

— Пожалуйста, — пожала она плечами.

— И вы тоже зовите меня по имени, хорошо? Меня зовут Александром.

Внезапно он встал и, подойдя к ней вплотную, взял руку и поднес к губам:

— Простите... Марина, я не должен делать этого, вам сейчас не до того, но нет сил удержаться — я голову потерял с тех пор, как увидел вас в казино...

— Идите вон, господин Ромашин! — негромко, но очень зло и отчетливо произнесла Коваль.

Он пошел к двери и обернулся на пороге:

— Простите...

Когда он ушел, на Марину вдруг напал приступ истерического хохота, и она покатывалась до тех пор, пока не пришел Женька, телохранитель недремлющий:

— Что с тобой?

— Ты не поверишь — у меня сейчас был начальник ГУВД, на колени падал! — она снова скорчилась от приступа смеха. — Я не могу — почему мужики такие уроды и придурки? Что вам всем вокруг меня — медом, что ли, намазано?

— Погоди... — перебил Хохол. — Он к тебе приставал, что ли?

— Не хватало еще! Я — и с ментом?! Западло, Женька!

Если бы кто-то сказал ей, что ровно через два месяца она окажется в постели с этим самым ментом, пришла бы в ярость...

Боль — она черного цвета, обволакивающая и ласкающая. Коваль осознала это на кладбище, приехав на сорок дней к мужу. И мрамор памятника не казался ей больше холодным, и место это не вызывало отрицательных эмоций, скорее —

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

наоборот. Марина прижималась лицом к плите, чувствуя, как она теплеет от этого, как будто Егор отвечает жене. И традиционные белые розы не казались больше чем-то печальным — просто цветы, которые так любил муж... Наверное, все ее эмоции выплеснулись в тот раз, когда Егор инсценировал свою гибель, Коваль пережила шок тогда, два года назад, а сейчас приняла все как очередной удар судьбы.

Хохол был единственным, кого утомляли эти поездки на кладбище, — он не мог простить Малышу того, что он отнял Марину и теперь она не подпускает его к себе. И вообще обходится без мужиков, что для нее равносильно подвигу. И с так идиотски забеременевшей Веткой никаких отношений она тоже не поддерживала, игнорируя ее. Да и сама ведьма со дня похорон Егора не звонила и не приезжала, жила у себя, а Маринин племянник Колька регулярно навещался к ней и сообщал тетке последние новости. Как ни странно, он был не в курсе Веткиной беременности, хотя не исключено, что мог быть ее причиной. Почему та не говорила — Коваль не понимала.

Сегодня, после посещения кладбища, Марина вдруг решила навестить подругу, но когда сказала об этом Хохлу, тот взвился:

— Опять началось?!

— Тебя это не касается, — совершенно спокойно ответила Коваль, вставая с лавки и собираясь уходить. — Отойдите все, дайте с мужем попрощаться.

Охрана отошла метров на десять и встала спиной к хозяйке, а та снова прижалась лицом к черной мраморной плите и прошептала:

— Пока, Малыш... я скоро приеду опять, ты меня жди, хо-рошо? И помни — я люблю тебя, родной...

Отряхнув перчатку от рыхлого снега, который здесь еще лежал, Марина вышла из оградки и пошла к машине. Усевшись